

- Shumakov S.A.* Sotnicy (1537–1597 gg.), gramoty i zapisi (1561–1696 gg.). Vyp. 1. M., 1902.
- Sotnaja 1544 g. s piscovyh knig T.A. Karamysheva na zemli Kirillo-Belozerskogo monastyrja v Vologodskom uезде (publikacija L.S. Prokof'evoj) // Social'no-pravovoe polozenie severnogo krest'janstva (Dosovetskij period). Vologda, 1981.
- Stroev P.M.* Spiski ierarhov i nastojatelej monastyrej Rossijskoj cerkvi. M., 2007.
- Vasil'ev Ju.S.* Agrarnye otnoshenija v Pomor'e XVI–XVII vv. Uchebnoe posobie po speckursu. Syktyvkar, 1979.
- Vasil'ev Ju.S.* Pouezdnyj ukazatel' materialov piscovogo deloproizvodstva po Severu Rossii XVI v. (piscovyhknig, sotnyh, vypisejiznih, platezhnyh) // Krest'janstvo Severa Rossiiv XVI v. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vologda, 1984.
- Vodarskij Ja.E., Istomina Je.G.* Pravoslavnye monastyri Rossii i ih rol' v razvitii kul'tury (XI – nachalo XX v.). M., 2009.
- Voskobojnikova N.P.* Vologodskij uезд. Predislovie // Piscovyje knigi Russkogo Severa / Sost. N. P. Voskobojnikova. M., 2000.
- Voskobojnikova N.P.* Piscovyje i perepisnye knigi Jarenskogo uезда XVI–XVII vv. Kak istoricheskij istochnik // Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. I. Vologda, 1970.
- Zverinskij V.V.* Materialy dlja istoriko-topograficheskogo issledovanija o pravoslavnyh monastyryjah v Rossijskoj imperii. Monastyri po shtatam. SPb., 1890–1897. T. 1–3.

П. Г. Рогозный

Русский историк Александр Евгеньевич Пресняков и его неизвестный портрет

1929 г. — год «великого перелома», начала коллективизации — и утверждения у власти Сталина. Для русской культуры это трагическая дата, связанная с началом так называемого «академического дела», или «дела историков», в результате которого в ссылках и тюрьмах окажется почти весь цвет оставшейся в Советской России гуманитарной интеллигенции.

Это будет позднее, осенью–зимой 1929 года, а летом в пригороде Ленинграда, Павловске мучительно умирал один из самых выдающихся представителей этой интеллигенции, великий русский историк Александр Евгеньевич Пресняков.

Рак нашли у Преснякова годом раньше, не сильно помогли ни радиоволновое облучение в Ленинграде, ни операция в Париже. Иногда боли в голове становились настолько нестерпимыми, что Александр Евгеньевич был вынужден обливать голову холодной водой по нескольку раз в день. Но он продолжал работать, просматривал корректуру и много читал, хотя и это было делать всё труднее: болезнь прогрессировала, он мог принимать только жидкую пищу. Осенью, после переезда с дачи в Павловске в Ленинград, боли стали нестерпимыми, и Преснякову стали колоть морфий. 30 сентября 1929 года он умер¹.

Всем, кто занимается историей России с IX по XX в., несомненно, хорошо известно имя Преснякова. Александр Евгеньевич был историком необычайно широкого диапазона — он и сам называл себя «специалистом по истории России

¹ Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 159.

от Рюрика до Ленина»². Его книги вошли в золотой фонд отечественной историографии. «Проницательный источниковед», «необычайно яркий историк», «на редкость осторожный и взвешанный и чуткий критик» — такими эпитетами награждали его специалисты³.

Являясь ярчайшим представителем петербургской исторической школы, именно Пресняков сформулировал ее отличие от школы московской. «Я бы определил ее, — говорил Пресняков, — как научный реализм, сказывающейся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции»⁴. Александр Евгеньевич уже тогда выступал против политизации исторической науки. Нужно расчищать «пути для более реального понимания нашего прошлого. В науке, как в жизни, всё минет — только правда останется», — говорил он на защите своей докторской диссертации⁵.

Конечно, такие выражения сейчас, в век постмодернизма и деконструкции, могут показаться наивными, однако чем бы ни занимался Пресняков — Сенатом XVIII в., царствованием Николая I или образованием Московского государства, — его работы до сих пор не устарели и сохранили свою научную ценность.

После революции Пресняков начал заниматься новейшей историей. Широко известны его книги о восстании декабристов, о российских императорах. В 30-е гг. были изданы неопубликованные лекции Преснякова по истории древней Руси и Русско-Литовскому государству⁶.

Однако уже в начале 50-х гг. началась посмертная травля ленинградских историков. В центральных исторических журналах были опубликованы разгромные статьи, посвященные уже покойным классикам — А. С. Лаппо-Даннилевскому, П. Г. Любомирову, А. А. Шахматову, М. Д. Приселкову и А. Е. Преснякову⁷.

² А. Л. Шапиро, еще в прижизненной статье о Преснякове, вышедшей всего в 35 экземплярах, и недавно переизданной, дает несколько иную версию «специализации» ученого по его словам — «от доистории до Ленина». См.: *Шапиро А. Л.* А. Е. Пресняков как научный руководитель // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2005. № 4. С. 23.

³ *Свердлов М. Б.* А. Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993; *Чирков С. В.* «Проницательный источниковед» А. Е. Пресняков. // Историки России XVIII — начала XX в. М., 1996; *Жуковская Т. Н.* А. Е. Пресняков и марксизм: Опыт исторической демифологизации // Россия в XIX — начале XX в. К 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 28–40; *Каганович Б. С.* А. Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм // Cahiers du Monde russe. 2001. 41. 1. Р. 31–48; *Брачев В. С.* Русский историк А. Е. Пресняков (1870–1929). СПб., 2002 и др.

⁴ *Пресняков А. Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938–1939. Т. 1–2.

⁷ См.: *Черепнин Л. В.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Исторические записки.

Их ученики не могли ответить публично на эти статьи и изливали свое презрение к их авторам в частных разговорах и переписке⁸.

В 1990 г. известный в ученой среде плагиатор, «доктор исторических наук» А. Ф. Смирнов, следуя своей «научной» традиции, переиздал ряд текстов Преснякова, приписав ему и работы его учителя С. Ф. Платонова⁹. Затем последовало переиздание и других основных текстов Преснякова¹⁰. Активно издавались книги Преснякова и за рубежом на английском языке¹¹.

Сам Пресняков был человеком широчайшего образования и самых разносторонних взглядов. Лучше всего его характеризует недавно изданная переписка с матерью и женой. Его интересовали театр, балет, живопись, политика, современное положение Православной Церкви, он говорил и писал на всех основных европейских языках¹².

М., 1950. Т. 33. С. 203–232. Статья о Преснякове Черепнина была относительно корректной для того времени, однако постоянные одергивания Преснякова — «не смог», «не сумел», «не понял», «таким и остался» — производили удручающее впечатление, хотя они исходили от, в общем-то, хорошего специалиста, стоявшего в научном отношении, впрочем, на порядок ниже как самого Преснякова, так и его учеников. В связи с кампанией травли интересно заметить, что общепризнанный глава петербургской школы, С. Ф. Платонов не удостоился отдельной разгромной статьи.

⁸ См., например: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / Сост. В. М. Панях. СПб., 2010. Судя по реакции Романова, Черепнин, автор статей о Лаппо-Данилевском и Преснякове, стал для него настоящим врагом, который в науке, по его мнению, остался «плотником», так и не сделавшись «краснодеревщиком». Кажется, что Романов с особым удовольствием разбирает профессиональные ошибки Черепнина в его публикациях и текстах. См.: указатель к указанной работе (с. 479). Впоследствии Л. Г. Черепнин по свидетельству его учеников сожалел об этих статьях «и о факте их написания вообще». См.: Назаров В. Д. Л. Г. Черепнин // Портреты историков. Время и судьбы. М. — Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 294.

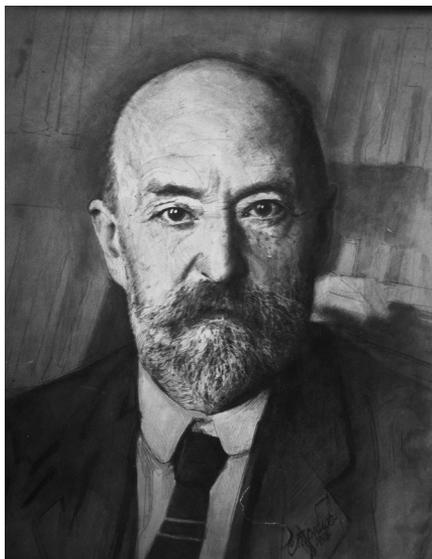
⁹ См.: Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. Ср. Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 59–84 и Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики) // Три века. Россия от смуты до нашего времени. М., 1991. (Репринт 1911 г.) С. 101–132. А. Ф. Смирнов фотографически копировал тексты своих питерских и московских коллег и затем издавал под своим именем большими тиражами. Особенно в этом смысле «повезло» В. Ю. Черняеву: Смирнов дословно скопировал его текст, вплоть до ссылок, и вставил в свою книгу. См.: Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи. М., 2000. С. 585–594. Ср.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 643–651.

¹⁰ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993; Он же. Образование Великорусского государства. М., 1998. После этого последовали многочисленные переиздания. Недавно лекции А. Е. Преснякова вышли в виде аудиокниги на дисках и сейчас в свободном доступе выложены на youtube.

¹¹ Пресняков А. Е. The formation of the Great Russian state. Chicago: Quadrangle Books, 1970; *Idem*. Emperor Nicholas I of Russia: The Apogee of Autocracy, 1825–1855. Gulf Breeze: Academic International Press, 1974; *Idem*. The Tsardom of Muscovy. Gulf Breeze, Florida: Academic International Press, 1978.

¹² Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2004. Текст писем Преснякова подвергся большому сокращению, в основном был убран «быт» (в данных письмах он очень интересен) и постоянные признания в любви (надо сказать, весьма неординарные) Пре-

По своим человеческим качествам Александр Евгеньевич был необычайно светлым, добрым и жизнерадостным человеком. В Петербурге–Петрограде–Ленинграде, в среде гуманитарной интеллигенции, существовали свои «партии», которые зачастую были враждебны друг к другу, но Пресняков удивительным образом находил со всеми общий язык и поддерживал дружеские отношения с людьми, которые могли не здороваться друг с другом при встрече. Кроме всего, Пресняков был замечательным учителем, его интересовала не только научная, но и личная жизнь его учеников, он всегда был готов помочь советом, рекомендацией, деньгами.

У Александра Евгеньевича было не слишком много учеников. Однако его ученики Борис Александрович Романов и Александр Львович Шапиро создали свои школы, из которых вышло большое количество замечательных историков, перечисление имен и работ которых заняло бы много места.

Архив историка стараниями его вдовы и учеников хорошо сохранился и находится в Санкт-Петербургском институте истории РАН¹³. Однако фотографических портретов Преснякова совсем немного, а среди архивных материалов их нет совсем: при передаче архива фотографии были оставлены потомкам, которые «растворились», разъехавшись по разным городам. Тем более интересен неизвестный ранее портрет историка, приобретенный мною в одном из антикварных магазинов Питера.

Все началось со спора о позитивизме с моим другом и коллегой, известным питерским историком Сергеем Львовичем Фирсовым. Мой друг резко критиковал позитивизм — я был не во всем согласен, говоря, что есть многие ученые, которых мы называем позитивистами, но работы которых не устарели и через 90 лет. А ведь для науки это колоссальный срок. Я имел в виду работы по истории России, написанные Пресняковым, так как сам себя он называл «психологическим позитивистом».

снякова своей жене. Понятно, что издатели были ограничены объемом, однако часто повторяющиеся отточия-сокращения превышают всякую меру и раздражают любого профессионального историка. Впрочем, даже то, что вошло в издание, производит сильное впечатление на читателя.

¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 193 (Пресняков).

Через несколько дней после нашего спора, выступая на конференции в Москве, С. Л. Фирсов, по его словам, вступил в дискуссию о позитивизме и петербургской исторической школе с директором Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) Сергеем Владимировичем Мироненко, вспомнив при этом мой монолог о Преснякове. Во время возникшей дискуссии С. В. Мироненко сказал, что видел портрет Преснякова в одном из антикварных магазинов Петербурга.

Спустя несколько дней мы с С. Л. Фирсовым и моим братом посетили указанный С. В. Мироненко магазин, и после продолжительного торга портрет Преснякова был мною приобретен за относительно небольшую сумму, так как он был не атрибутирован и значился как портрет «неизвестного мужчины работы неизвестного художника».

Хотя портрет был анонимный, в том, что на нем был изображен именно Пресняков, сомнений у меня не было. Сомнений не было и у праучеников «Евгеньевича» (именно так его именовали в узком кругу питерских историков), которым он был показан.

Портрет был написан известным в первой половине XX в. художником Иваном Богдановичем Стребловым (1871–1951), который писал портреты русских интеллигентов, писателей, артистов, художников: его подпись с датой четко читается в правом углу работы. Стреблов был типичным академистом, учеником И. Е. Репина, хотя, судя по его работам, не воспринял импрессионистическую манеру своего учителя. Он славился не живописной техникой, а необычайной схожестью портретируемых им персонажей. Видимо, именно поэтому его и пригласили сделать рисунки царских детей¹⁴.

Портрет Преснякова, подписанный 1928 г., выполнен в смешанной технике: карандаш, уголь, тушь, соус. Он находится в родной рамке или по крайней мере в рамке той эпохи, с повреждениями и утраченным стеклом. Сам портрет имеет довольно большой размер (52,5 × 61,5).

На нас смотрит уже немолодой, 58-летний мужчина, с умными и грустными глазами и пронизательным взглядом. В это время Александр Евгеньевич был уже тяжело болен, но продолжал работать. Можно предположить, что портрет выполнен у историка дома (следует отметить, что Стреблов рисовал или писал портреты только с натуры) по адресу: Ленинград, Надеждинская (Маяковская) улица, дом 15. На заднем фоне видны полки книг. У Преснякова была великолепная библиотека, которая после смерти ученого с подачи его племянника, одного из основателей американской русистики Михаила Карповича, была куплена Колумбийским университетом (США)¹⁵.

¹⁴ Судя по переписке с царем, Александре Федоровне нравились работы Стреблова, портрет цесаревича Алексея она даже отправила в ставку к Николаю II. См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 166, 206, 209.

¹⁵ Описание библиотеки Преснякова составил его друг и коллега, известный историк М. А. Полиевктов. Оно опубликовано. См.: *Сулаберидзе Ю. С.* М. А. Полиевктов и его лич-

Похоронен Александр Евгеньевич на Никольском кладбище Александроневской лавры, его могила сохранилась до наших дней. Надгробие выполнил известный скульптор — М. Г. Манизер, который являлся другом всей семьи Пресняковых. (Наиболее известен его культовый памятник Т. Г. Шевченко в Харькове.)

Сложно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Преснякова, остался бы он жив. Пострадал бы он или нет по «Академическому делу», по которому арестовали всех близких ему людей? В последние годы своей жизни Пресняков среди историков слыл «левым»: его исторический метод «включал в себя и элементы марксизма... истолкованные очень интересно и нетривиально»¹⁶. Однако сам Пресняков себя марксистом не считал¹⁷. И уж конечно, он не стал бы «своим» для Покровского и его компании, которая при активной поддержке властей огнем и мечом выжигала все оставшиеся традиции и школы русской исторической науки.

Сделать некоторые предположения насчет возможной будущей судьбы Преснякова позволяет тот факт, что еще при жизни историка, в 1928 г., в советской прессе начали появляться «ругательные» статьи в адрес «Евгеньича»¹⁸.

Портрет историка того времени всегда редкость, тем более такого выдающегося историка, как Пресняков, от которого почти не осталось никаких визуальных материалов. Думаю, что обнаруженный портрет должен занять свое место в Санкт-Петербургском институте истории РАН, поскольку институт создавался на базе Археографической комиссии, к которой самое непосредственное отношение имел и уважаемый Александр Евгеньевич Пресняков.

ный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 69–76. Автор статьи не знает судьбы библиотеки и пишет: «что стало с библиотекой в те тяжелые годы... сказать трудно». С. 72.

¹⁶ *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 108.

¹⁷ По свидетельству его ученика А. Л. Шапиро, об этом он, не скрывая, говорил своим студентам. См.: *Шапиро А. Л.* А. Е. Пресняков как научный руководитель... С. 23.

¹⁸ «Вот если бы меня отвадили от преподавания и дали возможность заниматься исследовательской работой, то это бы было очень приятно», — писал в связи с этим Пресняков своему племяннику Михаилу Карповичу в США. Сам Карпович, по-видимому, считал Преснякова включенным в советский исторический дискурс. «Как-то после этого письма, — писал Карпович Вернадскому, — А. Е. снова стал для меня прежним и близким» (цит. по: Обзор документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 404).